

Читайте книги
ЛАНЫ БАРСУКОВОЙ:

ЛЮБОВЬ АНФАС

СЧАСТЛИВЫЕ НЕУДАЧНИКИ

СОЧИНИ МОЮ ЖИЗНЬ

СЧАСТЬЕ ХОДИТ БОСИКОМ

ЛЮБОВЬ И ВЫБОРЫ

Лана Барсукова

Счастье
ходит босиком

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Иллюстрация на обложке *Валентина Губарева*

Барсукова, Лана.

Б26   **Счастье ходит босиком / Лана Барсукова. —**
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-118296-0

В книге собраны рассказы про обычных людей — мужчин и женщин, молодых и не очень, — которые пытаются найти тропинки, ведущие к счастью. Это калейдоскоп ироничных и добрых историй, которые не оставят равнодушными читателей, ведь они написаны как будто про нас с вами. Поиск счастья — лейтмотив этой книги, пронизанной теплотой и добротой.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118296-0

© Барсукова С., 2020
© Губарев В., иллюстрации, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Предисловие

Мы несемся по жизни, едва успевая перевести дыхание и переобуться на ходу. Кроссовки — для здоровья, острые шпильки — для карьеры, тапочки — для дома. Только что были босоножки, и опять — зимние сапоги. И бежим, бежим, бежим... Словно там, за поворотом, нас ждет что-то такое, чего нам не хватает для полного счастья.

И в этом беге не замечаем, что счастье рядом. Оно еле уворачивается от нашего стремительного натиска, боится приблизиться, чтобы его не затоптали. Оно опасно поджимает ноги, спасаясь от наших жестких каблуков. Ведь счастье ходит босиком...

Пусть эти рассказы напомнят нам об этом. Возможно, счастье приблизится к нам, зачарованно идя на шест страниц.

Лана Барсукова

Идеальный брак

Иван Петрович в свои шестьдесят лет был хоть куда. Как говорится, хоть в пир, хоть в мир. Хотя так про людей не говорят, только про одежду. Но ведь, по сути, правильно. А вот жена подкачала.

Они были ровесниками. Но Иван Петрович старел постепенно, по плавной, даже, можно сказать, попологой кривой. Жена же, Вера Семеновна, наоборот, долго хранила молодость, вызывая удивление и зависть окружающих, а потом просто рухнула в старость.

Стали мелко трястись руки, кожа пигментировалась, ноги стали как тумбы, а на загривке вырос холмик, отчего казалось, что она постоянно тянется головой вперед. Как гусыня, которая гонится за обидчиком. Нет, особого безобразия не наблюдалось. Но скорость перемен озадачивала. В глазах любого знакомого читалось: «Да! Сдала Вера. А ведь какой была!»

Конечно, и Иван Петрович уже не мальчик. Но он никогда не был красавцем, с него и спрос другой. К тому же к переменам в его внешности окружающие успевали привыкнуть и потому словно не замечали их. Его увядание похоже на осень, которая подкрадывается

Идеальный брак

незаметно, отдавая желтому и красному цвету сначала один листочек, потом еще парочку, и еще, и еще. Как будто десантный отряд желтых разведчиков в окружении надменных зеленых собратьев. Десант, обреченный на победу. И никто не может сказать, когда началась осень, какого числа и в котором часу.

А с Верой Семеновной природа разыграла другой сценарий. Как будто на зелень листья выпал снег, лежит и не собирается таять. И холодно вокруг. Холодно и грустно, потому что обратного хода нет. Прямо с этого самого дня и часа, хоть в дневник запиши: «Прощай, лето!» Как там в песне поется? «У природы нет плохой погоды». Смотри для чего. Если у камина сидеть, то и вправду нет. Но для этого камин нужен и дом соответствующий. К старости надо готовиться, как к зиме. Заготовки делать.

У Ивана Петровича камина не было. Дача годилась только для летнего проживания. Получается, что они с женой плохо подготовились к зиме их жизни. Как-то так вышло, чего уж теперь. Но на даче было душевно и свободно. Допускалось носить старые трико и лinnenые шорты. Иван Петрович, в прошлом военный, это особо ценил, потому что гражданскую одежду воспринимал как огромное послабление, почти баловство.

Шорт и футболок было много, потому что зять любил одеваться. Постоянно покупал себе новую одежду, а старую отдавал донашивать тестю. «Брендовая вещь, между прочим, немереное бабло отдал в свое время», — нахваливал он то, от чего избавлялся. «Пижон», — вздыхал Иван Петрович. В его понимании мужик должен

Лана Барсукова

уметь отличать майку от рубашки, но не более. Он не любил зятя, но терпел, лишь бы дочери хорошо было.

Несмотря на отсутствие камина, Ивану Петровичу нравилось жить с женой на даче. Тихо, спокойно, хлопоты по мере сил. И никакого напряжения, к которому он привык за долгую жизнь. Они тихо живут с Верой, в огороде ковыряются, детям варенье варят. Зять, хоть и пижон, покушать любит.

Вот и сегодня дочь с мужем должны приехать. Детей сдали в лагерь, который Иван Петрович по старинке называл пионерским. Зять морщился и каждый раз поправлял тестя. «Нет больше вашей пионерии, вы бы еще коммуны вспомнили». Пижон и зануда, одно слово. И как с ним дочка живет?

На этот раз дочь Надя приехала одна. Иван Петрович переглянулся с женой и поймал в ее глазах отражение собственных мыслей. С одной стороны, приятно увидеть дочь без этого нудного довеска. Но с другой — неправильно это. Дочь здесь, а зять там. А дети вообще в лагере. Может, что-то случилось?

— Одна почему? Муж не смог? Приболел? — не выдержала Вера Семеновна.

— Потом, мам. Дай передохнуть. У вас тут опять все перекопали, как через окопы пробиралась. — И Надя согнулась, чтобы очистить босоножки от комков глины.

«Глаза прячет», — подумал Иван Петрович, но сказал спокойно:

— Соседи газ проводят.

— Газ это хорошо, — ответила Надя и прошла на крыльцо.

Идеальный брак

Вера Семеновна ткнула мужа локтем и сделала тревожные глаза. Он пожал плечами.

— У вас все хорошо? — опять засуетилась мать.

— Мам, сказала же, потом.

— С детками? Надь, ты нас не жалеешь! С детками что-то?

— С детками все хорошо.

— Тогда с кем? — не сдавалась Вера Семеновна. — С кем плохо?

— Ну почему плохо? Почему вы не можете жить, не превращая все в трагедию? У меня все хорошо. Вы меня услышали? Хо-ро-шо.

Вера Семеновна недоверчиво изобразила улыбку. Иван Петрович ждал продолжения. И дождался.

— Просто мы разводимся.

Повисла пауза.

Старики молчали со скорбными лицами.

— Господи, как мне это надоело! — Надя зло посмотрела на родителей. — Ну что? Мне еще вас утешать? Вы всю жизнь вместе и даже представить не можете, как в жизни все непросто... как сложно... вы... вы будто всю жизнь в пионерском лагере прожили...

Старики устыженно молчали.

* * *

— Вань, ну как так? Ты мужик видный, а с Верой у тебя какой-то винегрет? — говорил майор, перебравший самогона. — Она ж у тебя на носу с Валеркой мутьки мутит.

— Помолчи, — шумно дышал через нос его боевой товарищ, совсем младший лейтенант Иван.

Лана Барсукова

— Я-то, Вань, помолчу, а люди не помолчат. Она ж, зараза, даже не скрывает. Я тебя как старший по званию спрашиваю: и где ты такую нашел?

— Не твоего ума дело! — угрожающе рыкнул Иван.

— Может, и не моего, а только она нашим женам пример подает неподобающий, блядский пример, скажу тебе, — продолжал подвыпивший майор.

Алкоголь усыпляет бдительность. Майор не заметил, как тяжелый кулак боевого товарища описал короткую дугу и впечатался ему в нос. Кровь, брань, партийное собрание... Майор человеком оказался. Сказал, что из-за «Спартака» поспорили, поэтому и подрались.

Только все равно перевели за полярный круг служить. Да оно и хорошо, подальше от Валерки. Он слабак — за Верой на север не поехал. А ее даже жалко было, она украдкой на вокзале оглядывалась, дурочка. «Да не придет он», — хотелось сказать Ивану, но он молчал, делал вид, что чемоданы пересчитывает. Балабол этот Валерка, пустозвон и трепло. Даже под фуражкой умудрялся себе модный кокон делать и бляху на ремне начищал, как петух. Только молодые дурехи могут по такому сохнуть. Вот такие, как его Вера, она ж молодая еще, яркая, звонкая.

Когда Иван думал о жене, его захлестывала какая-то отеческая забота и даже чувство вины, словно он не уберег ее от соблазна, оставил одну наедине с этим обольстителем. То, что они с женой ровесники, не в счет. Он мужчина, стало быть, умнее и старше по определению, а не по дате в паспорте. Сам виноват, вечно на службе. А что ей оставалось? Не дома же сидеть. Детей нет, хо-

Идеальный брак

зайство походное, квартира казенная. Выходило, если подумать, что это даже изменой считать нельзя. Так, возрастная болезнь вроде кори или ветрянки. И чем раньше переболела Вера, тем лучше.

На северах все поначалу шло нормально, но Вера замерзать стала. Как-то изнутри ее подморозило. Скучная стала, тихая, как будто ледышка внутри. И румянец ушел. Иван очень переживал по этому поводу, на недостаток витаминов списывал. И, чтобы вернуть румянец, стал почаще заглядывать на склад, интересоваться поступлением апельсинов в продажу.

Апельсинами ведала увядающая красавица Тамара, с которой смело можно пойти в разведку. Она своих не сдавала.

— Тамар, апельсины не завезли?

— Я тебя умоляю.

— Не понял. Так завезли, что ли?

— Ага, приключилось такое чудо случая. Весь склад в апельсинах. Не слышишь, как воняет?

Вонь была не цитрусовая.

— Тамар, а что слышно? Обещают?

— Ага, обещают.

— Когда?

— Когда коммунизм построят.

— Никогда, значит?

А она только плечиком поведет да рассмеется во всю ширь зубов.

Иван сначала про апельсины думал, а потом про ее зубы все чаще стал размышлять. Как ей удастся зубы в таком порядке содержать? И как-то невзначай мысль

Лана Барсукова

стала петлять, вбок заваливаться: а все остальное у нее тоже в таком же образцовом порядке? Ну там, грудь, например.

И вот уже Иван почему-то стал краснеть, спрашивая про апельсины.

Однажды случилось непредвиденное, хотя вопрос был вполне невинен:

— Апельсины не завезли, а, Тамар?

— Какие такие апельсины?

— Ну круглые такие, крепкие, — и покраснел.

— Может, мандаринки сгодятся?

— Мне бы апельсины. Мандарины мелкие и костлявые, — покрылся испариной Иван.

Тамара догадливая была, не зря же с ней в разведку идти можно было. Подошла сама, взяла его руку и на грудь положила.

— Такие?

Ивану показалось, что ему апельсиновым соком в глаза прыснули. Или прямо в кровь этот гадский сок ввели, потому что он против всех своих убеждений и принципов завалил Тамарку на мешок с чем-то сыпучим, податливо принявшим форму их тел. И все — пропала его супружеская верность. Как говорится, ни за грош, ни за копейку. А за апельсинки.

Тамарка ему две полные сетки нагрнула и даже смеяться перестала. Денег не взяла. Вроде как ей неудобно стало. Но напоследок сказала, что скоро ананасы завезти обещают.

Иван принес эти круглые, господи, ну до чего же круглые и упругие, апельсины домой и разложил по

Идеальный брак

тарелкам. Расставил эту красоту по квартире. На журнальный столик, на спинку дивана, на полку поверх книг. И снова на журнальный столик. Потому что комната была маленькая, а апельсинов было много. Со стены на это пиршество смотрела египетская царица Нефертити, и, как показалось Ивану, в ее взгляде было какое-то презрение. Она продавала себя дороже.

Хлопнула дверь, пришла Вера. Иван замер и затаил дыхание. Он боялся разоблачения и одновременно чувствовал себя героем. Раздобыть апельсины зимой за полярным кругом — это, конечно, не героизм, но что-то героическое в этом есть.

Вера зашла и ахнула. Но прежде чем она ахнула, буквально за секунду до этого, Иван успел заметить, что Вера вполне себе румяная. И блеск в глазах такой, что хоть прикуривай от нее.

Но, как потом выяснилось, прикуривать от нее начал не Иван. А Федор. Был такой щегол в их гарнизоне, самодеятельностью заведовал. Он создал театр, где практически все роли исполняли женщины. Как театр кабуки, только наоборот. Японцы в своем театре только мужчинам роли давали. Иван потом много про театр читал и понял, что правы японцы — мудрецы узкоглазые. Тысячу раз правы. И как они в свои щелочки разглядели, что если человек голос или тело ломает, то у него и внутри что-то ломается? И получается, что блуд — это не грех, а побочное свойство профессии. Женщин от этого ремесла подальше держать надо.

Опять выходило, что Вера не виновата. Если другой артистке можно, то чем она хуже? А она, по правде

Лана Барсукова

говоря, даже лучше. Иван смотрел на жену и тихо сам себе завидовал. Вера у него красивая и светлая, наивная и любознательная. Такую беречь надо, за ручку на курсы кройки и шитья отвести. А он с утра на службу, и разбирайся со своей жизнью, как знаешь. Вот она и пошла в театр записываться. Ну а дальше от нее уже ничего не зависело, дальше все по японским заветам получилось. Можно сказать, профессиональная деформация личности с ней приключилась.

Иван жену не ругал, вообще никак свое знание не проявлял. Как в кулак себя зажал, аж костяшки побелели. Терпел до премьеры. Нельзя же человеку праздник портить. Вера столько сил на эту роль положила, перед зеркалом репетировала, платье из тюлевой занавески шила. Занавеска была почти новая, ей бы еще висеть и висеть.

— Зачем ты так? Может, не надо?

Вера молчала, потом тихо прошептала:

— Иван, прости, но я не могу иначе.

— Ну раз тебе это надо...

— Иван, ты святой.

— Да ладно. Чего уж теперь. Буду в городе, новую занавеску куплю.

— Так ты про занавеску? — Вера осела на кровать.

Потом зло посмотрела и добавила:

— Нет, Ванечка, ты не святой. Ты юридивый.

— Какой есть, — обрубил разговор Иван, — руки полой, сейчас ананас есть будем.

Ананас подогнала Тамара. В продажу это заморское чудо не поступало.

Идеальный брак

Когда Ивану становилось невмоготу и кулак, в котором он себя держал, начинал предательски дрожать и разжиматься, ему становилось страшно. Как будто у него зажата чека от гранаты, и вот-вот может рвануть, да так рвануть, что вся его жизнь разлетится на мелкие кусочки. В такие минуты, испуганный своей слабостью, Иван шел на склад к Тамаре. Он уже знал, что на мешках с мукой очень жестко, а мешки с сахаром противно скрипят, что лучше всего получается на ровных коробках с кабачковой икрой. Ему было противно, он стыдился самого себя, но зато потом, когда приходил домой, ревность уползала куда-то в чулан, вытесненная виной перед женой. Так останавливают пожар, организуя встречное пламя.

Иван терпел, ожидая премьеры, чтобы с упоением набить морду Федору. А пока нельзя. Как артист с боями на сцену выйдет? Спектакль придется отменять. Вера расстроится. Да и занавеска зря пропадет.

И вот настал долгожданный день премьеры, весь гарнизон собрался в клубе. На сцене маялись от невыносимой любви Ромео и Джульетта, они же Федор и Вера. Иван сидел во втором ряду и делал вид, что увлечен спектаклем. Он сжимал кулаки, и они радостно похрустывали в предвкушении скорой развязки. Окружающие следили за сюжетом в полглаза, потому что концовку знали заранее. Все умрут, и любовь восторжествует на крышке гроба. Но дело даже не в этом. Куда интереснее было наблюдать за Иваном. Все знали про Веру и Федора. Гарнизон — это вам не какая-то там Верона, тут ничего не утаишь. В воздухе пахло насто-

Лана Барсукова

ящей драмой, интригой. Шекспир проигрывал с разгромным счетом.

Когда возбужденный Ромео наконец-то прижал к груди великовозрастную Джульетту, весь зал повернул головы к Ивану. Артисты были оставлены без внимания, потому что всем хотелось увидеть то ли скупую мужскую слезу, то ли ходящие желваки на лице главного героя этого вечера. Даже сидящий в первом ряду полковник грохнул об пол портсигар, чтобы повернуться и поискать его между рядами, заинтересованно мазнув взглядом по Ивану.

Хлопали артистам очень долго, буквально не отпускали их со сцены несмолкаемыми аплодисментами. Потому что никто не хотел уходить, начиналось самое интересное. Все следили за Иваном. Одни готовы были выступить в роли секундантов, другие — не прочь оказать дружескую помощь, потому что претензии к Федору имели многие офицеры. Аплодисменты переходили в овации, прямо как на съезде компартии.

Но Иван выдержал мхатовскую паузу. Чинно вышел из зала и пошел, посвистывая, домой. Публика разочарованно выдохнула. Спектакль был отнесен к разряду посредственных, а Шекспир признан устаревшим.

Иван дошел до темного переулочка, свернул в него и обходным путем вернулся в клуб. Зашел с заднего входа, сильно поскрипев на крыльце. Застать пикантную сцену ему не хотелось. Он осторожно постучался в кладовку клуба, по случаю премьеры переименованную в примерку, и услышал приветливое «Войдите». Про-

Идеальный брак

звучало это как дуэт Ромео и Джульетты. Иван открыл дверь и замер — Вера и Федор ели ананас.

— Иван? — удивилась жена.

— Мы тут что-то типа фуршета решили на двоих сообразить, — засуетился Федор.

— Ну ты и гад, — просипел обомлевший Иван.

Иван был потрясен. Ананасы предназначались только для высшего командного состава, куда Федор даже близко не входил. Тамара, конечно, как опытный складской работник какие-то штучные ананасы приберегала для особых случаев. Например, для Ивана. Выходит, не только для Ивана. Ананасы просто так Тамарка никому не раздавала. Их мало, а мужчин в гарнизоне много. Ананасы нужно было заслужить.

— Что ж ты, гад, делаешь? И нашим, и вашим? Наш пострел везде поспел? И в клубе, и на складе?

Иван до глубины души был оскорблен тем, что Федор изменяет его жене. Ладно, любовник, что неприятно, но такой, который на два фронта старается, это вообще плевок в душу.

— Ананасов захотел? Будут тебе ананасы!

— Не понял, — на всякий случай отодвинулся от ананаса Федор.

— Сейчас поймешь, — сказал Иван и ударил Ромео в переносицу.

Но обещания не сдержал — Федор ничего не понял. В принципе, он знал, что ему есть за что получить от Ивана. Но при чем здесь ананасы? Это даже обидно, когда тебя бьют, а ты не знаешь всех деталей.

Лана Барсукова

— Ваня, прекрати! — закричала Вера. — Что ты за человек? Тебе что, ананасов жалко? Ну взяла я один, так что? У нас же премьера! Не знала, что ты такой мелочный. — И она залилась слезами на груди окровавленного Ромео. Получилось даже лучше, чем на сцене.

Иван понял всю нелепость ситуации. Ананас выкатился из их кухни. Получается, что он набил морду Федору по ошибке. И вся его долго-долго вынашиваемая операция пошла наперекосяк. Вроде бы, как и планировалось, Федор получил по морде. Но получил-то не за то. Хоть прощения у него проси. Но это вообще во девиль какой-то выйдет.

У Ивана на душе было мерзко, как у следователя, который упек наркобарона в тюрьму за соvrащение малолетки, с которой тот даже незнаком. Вроде бы и правильно сделал, но как-то коряво.

Вместо праведной мести остался привкус конфуза. Иван не чувствовал в себе моральной правоты, с высоты которой можно указать Вере на дверь или самому гордо переступить порог со словами «Прощай!». Вместо этого он сипло сказал жене:

— Пошли домой!

И они пошли. И стали жить как прежде. С той только разницей, что ананасы в их семье были под запретом.

* * *

Через три года в их семье родилась крохотная дочка. В ней все было прекрасно: и беззубый ротик, и лысая макушка, и кривые ножки. Иван просто млеет от такой

Идеальный брак

красоты. Но эпицентром красоты, можно сказать, ее апофеозом была родинка на пятке, точная копия отметины, которой природа наградила Ивана. И когда маленькая Наденька тянула ножку в рот, чтобы пососать большой палец, родинка выставлялась на всеобщее обозрение.

В эти моменты Ивана переполняла нежность и гордость, что дочка точно его. Все-таки история с Федором, хоть и затерялась в прошлом, но оставила в душе язвочку, которую время не лечило, а только забрасывало хламом новых событий. Вроде забылось, а нет-нет и царапнет. Иван терся носом об эту родинку, чтобы лишний раз порадоваться, что это не присохшая грязь, не прилипшая соринка, а самая настоящая родинка. Как у него. И может, даже как у его отца.

Хотя откуда было взяться грязи на розовой пяточке? Вера оказалась чокнутой мамашкой, просто рухнувшей в материнство, она служила дочке, как фанатик своему божеству.

Вера жила в ритме Наденькиного дня — ночью баюкала, нарезая круги по комнате, а днем билась от недосыпа об косяки. Иван с утра уходил на службу, поэтому он подключался к ночным вахтам только в крайних случаях, когда зубки или газики делали Наденьку особенно беспокойной. А так Вера сама управлялась, засыпая днем едва ли не стоя. И ела-ела-ела — чтобы было молоко, и чтобы оно было жирное, чтобы Наденька хорошо набирала вес. Наденька с поставленной задачей справлялась. Но особенно хорошо набирала вес Вера. Ее тело стало, как взбитая перина, мягкое и объемное.

Лана Барсукова

Халаты, в которых Вера ходила по дому, миролюбиво вмещали в себя ее телеса, лишь укорачивая день ото дня концы пояса.

Иван старался не вспоминать прошлое, но иногда в голову лезло: да, сейчас ей бы роль Джульетты не дали, только кормилицы.

Но самое неприятное – то, что Вера в своем материнстве дошла до полного единения с дочкой. Ее жизненный мир схлопнулся до горшков и пеленок. Иногда Ивану казалось, что жена по уму сравнялась с Наденькой, у них было словно одно сознание на двоих. Вера чувствовала Надю как второе «я». Она безошибочно угадывала, когда Наде нужен косою заяц, а когда кукла. А муж вечно путал и протягивал не то.

Иван приходил с работы и спрашивал:

– Как вы тут?

– Прекрасно! Закрой глаза, сюрприз.

Иван закрывал глаза, но лучше было заткнуть нос. Ему под нос совали горшок.

– Что это?

– Это Наденька сама на горшок сходила! Представляешь? Я, главное, отвлеклась, на кухню отошла, а тут такое! Господи, как обидно, что своими глазами не увидела.

Вера страдала так, словно пропустила солнечное затмение, которое случается раз в сто лет. Впрочем, затмение, наводнение, извержение вулкана – все это мелко по сравнению с тем, что Наденька сама взгромодилась на горшок.

Иван понимал, что ему повезло с женой, что она прекрасная мать и что его располневшую жену никто